

© 2013 г. Ю.Л. КУЗНЕЦОВА, Л.А. ЯНДА

ПРИСТАВКИ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ТИПОЛОГИИ

(отклик на статью А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян)

В статье [Янда 2012] предлагается рассматривать глагольные приставки в русском языке как систему с глагольными классификаторами. В ответной статье [Зализняк, Микаэлян 2012] критикуется этот подход, теория когнитивной лингвистики, в рамках которой было высказано названное предположение, и данные, на основе которых были сделаны выводы. В настоящем отклике рассматривается одно из важных отличий теории когнитивной лингвистики от других лингвистических теорий: когнитивная лингвистика не делает априорных предположений о структуре языка. Лингвисты, работающие в рамках этой теории не предполагают, что в языке существуют строгие однозначные критерии выделения классов и категории с жесткими границами. Вместо этого в когнитивной лингвистике предлагаются модели для категорий с градуальной структурой. Для изучения таких явлений используются статистические методы. В нашем отклике мы объясняем, как устроена база данных Exploring Emptiness, материалы которой послужили основным источником данных в наших работах. Наше исследование предоставляет дополнительные аргументы в пользу гипотезы Вея – Схоневельда на большом массиве эмпирических данных.

Ключевые слова: русский язык, приставки, вид, классификаторы, когнитивная лингвистика, типология, статистические методы.

[Янда 2012] claims that Russian verbal prefixes constitute a verb classifier system. [Зализняк, Микаэлян 2012] is a critical response that calls into question the validity of this claim, its theoretical framework, and the data used to support it. In this rebuttal we explain that cognitive linguistics differs from many other linguistic frameworks because it avoids unnecessary a priori assumptions about the structure of language. We do not assume that language has strict criteria and discrete categories, but instead apply statistical methods to explore the gradience of linguistic phenomena, consistent with what is known about general cognitive mechanisms. We explain how the Exploring Emptiness database of aspectual pairs was designed and the special features it offers (labels, frequencies, definitions). Our overview of the empty prefix hypothesis demonstrates its prominence in Russian linguistics and textbooks and the need for our extensive empirical study to support and extend the Vey – Schooneveld overlap hypothesis.

Keywords: Russian, prefixes, aspect, classifiers, cognitive linguistics, typology, statistical methods

Мы рады, что работы Лоры Янды и всей нашей исследовательской группы, работающей в университете Тромсё в Норвегии, вызывают интерес в России. Нам хотелось бы отметить, что статья Анны Андреевны Зализняк и Ирины Львовны Микаэлян, напечатанная в № 6 журнала «Вопросы языкознания» за 2012 г., опирается не только на статью Л. Янды, напечатанную в том же номере, но и на другие работы Л. Янды и членов группы CLEAR¹. Для того чтобы читателю было легче понять аргументы, приводящиеся в этой дискуссии, мы предлагаем ему обратиться к сайту, где можно ознако-

¹ CLEAR: Cognitive linguistics: Empirical approaches to Russian – научная исследовательская группа, в которую входят Л. Янда, Т. Нессет, Ю.Л. Кузнецова, О.Н. Ляшевская, А.Б. Макарова, С.В. Соколова, А.А. Эндресен.

миться со всеми работами Л. Янды: <http://ansatte.uit.no/laura.janda/mypubs/mypubs.html>. Более того, наша исследовательская группа сделала доступными все статистические результаты проведенного анализа на сайте университета Тромсё: база данных префиксальных аспектуальных пар размещена по адресу emptyprefixes.uit.no, а подробное описание статистических методов можно найти на странице emptyprefixes.uit.no/book.htm. Последняя ссылка ведет на сайт, созданный специально для книги [Janda et al. 2013]. В этой книге собраны результаты исследования, которое группа CLEAR провела в рамках проекта Exploring Emptiness, посвященного глагольным приставкам в русском языке.

В настоящей статье будут рассмотрены: 1) научная парадигма нашего исследования, в основе которого лежит современная теория когнитивной лингвистики и которое опирается на применение статистических методов; 2) предложение рассматривать глагольные приставки в русском языке как глагольные классификаторы; 3) гипотеза о «чистовидовых» приставках и ее роль в описании русского языка; 4) состав и структура нашей базы данных.

1. НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА НАШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В этом разделе мы рассмотрим статус предлагаемой нами лингвистической модели, основывающейся на современной лингвистической теории, которая опирается на использование статистических методов. В своей статье Анна А. Зализняк и И.Л. Микаэлян называют предлагаемую нами модель «наивной» и «устаревшей». Мы хотели бы подчеркнуть, что мы работаем в парадигме современной когнитивной лингвистики. Существует несколько важных положений этой дисциплины, от которых мы отталкиваемся и которые могут показаться неочевидными человеку, не очень близко знакомому с основными принципами когнитивной лингвистики. Представители данного направления не делают никаких априорных предположений о структуре языка, но стремятся изучать язык преимущественно эмпирически. При этом в когнитивной лингвистике считается очень важным стремиться, чтобы теоретические утверждения о языке согласовывались с имеющимися в психологии и медицине представлениями о том, как работает человеческий мозг. В результате в когнитивной лингвистике не принимается распространенное во многих современных грамматических теориях априорное положение о том, что язык устроен как строгая логическая система с однозначными критериями правильности и непересекающимися категориями.

В частности, так как в нашей модели мы пытаемся отразить ощущения носителя языка, мы стараемся считать слова, сходные по форме и смыслу, скорее многозначными, нежели омонимичными. Мы признаем, что существуют бесспорные случаи омонимии, например, глагол *жать* с первым лицом единственного числа *жну* и глагол *жать* с первым лицом единственного числа *жму* являются омонимами. Однако во многих случаях, в частности в приводимом в статье А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян примере различий между *колоть* – *уколоть* и *колоть* – *заколоть*, мы не уверены, что стоит проводить столь строгую границу. Многие глаголы в русском языке многозначны, и тем не менее их значения связаны друг с другом. Разделение таких глаголов на два омонимичных варианта, такие как *колоть*₁ и *колоть*₂, как нам кажется, противоречит интуиции носителя языка, которую нам хотелось бы отразить в нашей модели. По этой же причине мы не считаем проблематичным тот факт, что такие глаголы, как *ронять*, по историческим причинам содержат имперфективизирующий суффикс. В нашу базу данных пары типа *ронять* – *уронить* включены наравне с другими синхронными видовыми коррелятами.

Мы стараемся не делать выводов о внутренней структуре слов, если такие выводы не являются интуитивными для носителя языка. Так, мы хотели бы подчеркнуть, что в наших работах не постулируется однозначное направление морфологической деривации от глагола несовершенного вида к глаголу совершенного вида. Нас в первую очередь интересует наличие в русском языке пар типа «бесприставочный глагол несовершенного вида – глагол с приставкой совершенного вида», и именно таким парам и посвящено наше исследование. Во многих работах как российских, так и зарубежных лингвистов

отмечается, что в словообразовании очень часто сложно говорить об однонаправленной деривации (ср., например, [Земская 1975: 69–94; Улуханов 1977: 22–34; Немченко 1979: 41–46; Панов 1999: 93–96; Катышев 2005: 14–70; Booij 2010: 32–47; Brown, Hippisley 2012: 35–37]). Так, существительное *перевыборы* одновременно связано с глаголом *перевыбирать* и с существительным *выборы* [Панов 1999: 93]. Более адекватным кажется представление о группе связанных между собой деривационными механизмами слов как о морфологической сети (ср. понятие «network morphology» в работе [Brown, Hippisley 2012]), в которой мотивирующими могут служить разные элементы (ср. также русскоязычный термин «полимотивация»). Элементы парадигмы в этом случае являются морфологическими конструкциями в терминологии Х. Боя [Booij 2010]. Важным аргументом в пользу такой точки зрения оказываются производные слова, которые не имеют непосредственной производящей основы, ср., например, такие семельфактивные глаголы, как *вздремнуть* при отсутствии **вздремать* и **дремнуть* или *всплакнуть* при отсутствии **всплакать* и **плакнуть*.

Одной из важных целей когнитивной лингвистики является построение модели языка, которая соотносилась бы с нашими знаниями о работе человеческого мозга и экспериментальными данными, свидетельствующими о механизмах языковой категоризации. Результаты таких экспериментов начиная с работ Э. Рош [Rosch 1973; 1975] демонстрируют, что языковые категории могут пересекаться и обладают нежесткими границами. В то же время неверно, что языковые категории никак не структурированы: напротив, они обладают внутренней структурой, в них есть более и менее прототипические элементы, и носителям языка обычно интуитивно ясно, какой элемент категории находится ближе к центру, а какой – ближе к периферии. Более того, границы категорий могут видоизменяться как для одного носителя языка, так и варьируясь по социолектам и диалектам.

На практике достаточно сложно предложить критерии вроде критерия Маслова, неукоснительно им следовать и в результате получить список истинных видовых пар. В диссертации Ю.Л. Кузнецовой [Kuznetsova 2013] обсуждаются сложности, связанные с применением критерия Маслова. Одну из основных проблем можно кратко сформулировать следующим образом. Если для того, чтобы признать два глагола парой, достаточно только одного контекста, в котором глаголы несовершенного и совершенного вида будут взаимозаменяемы, то такие контексты могут оказаться маргинальными, и в результате парами будут признаны такие очевидно непарные глаголы, как, например, *целовать* и *перецеловать* (ср. [Перцов 2001: 127]²). Если же принять, что для признания двух глаголов парой необходимо, чтобы можно было заменить глагол совершенного вида на глагол несовершенного вида во всех контекстах, очень может быть, что в русском языке не найдется ни одной такой пары, потому что, согласно корпусным данным, наборы конструкций, в которых употребляются глаголы совершенного и несовершенного вида, не бывают идентичными. Дополнительные сложности вызывает тот факт, что разные критерии выделения пар могут давать разные результаты³. Наконец, как показывает анкетирование, проведенное в рамках аспектологического семинара филологического факультета МГУ, разные лингвисты могут по-разному применять один и тот же критерий; ср. [Анкета 1997; Горбова 2011]. Рассмотрев все эти обстоятельства, Ю.Л. Кузнецова предлагает относиться более осторожно к критерию Маслова и сходным с ним синтаксическим критериям и пользоваться дополнительными эмпирическими методами для выделения видовых пар. Предлагается критерий, основанный на сравнении двух выборок примеров из корпуса: сравниваются наборы конструкций, которые встречаются в примерах, содержащих глагол несовершенного вида, и в примерах, со-

² Н.В. Перцов приводит такие примеры, как *Он вчера пришел и всех наших девушек смело перецеловал* и *Он вчера приходит и всех наших девушек смело целует*.

³ Авторы работы [Kuznetsova, Sokolova forthcoming], анализируя видовые тройки, показывают, что предложения с *praesens historicum* тяготеют к вторичному имперфективу, а предложения с императивом при отрицании к бесприставочному имперфективу.

державших глагол совершенного вида. Такой подход выигрышен с двух точек зрения: с одной стороны, он предоставляет нам несложный алгоритм сравнения потенциально парных глаголов, с другой стороны, в результате мы получаем числовую меру парности двух глаголов, которая в свою очередь может быть использована для сравнения разных пар между собой.

К сожалению, требования установить жесткие границы классов, которые были так популярны в эпоху структурализма, трудно удовлетворить: современным лингвистам известно, что языковые единицы редко формируют классы с жесткими границами; ср. [Langacker 2008]. Большая часть языковых категорий обладает градуальной структурой. Модель, основанная на принятии такой градуальности, является не возвратом, а шагом вперед к когнитивной лингвистике, принимающей градуальность языковых категорий. Как это часто бывает в истории науки, эта парадигма отчасти похожа на предыдущую стадию, потому что, как все мы знаем, научным теориям часто свойственно развиваться по спирали.

Мы считаем, что единственно верный подход к градуальным явлениям в языке лежит в сфере статистики: статистические методы позволяют нам ответить на вопрос, можно ли пренебречь некоторым количеством встретившихся в корпусе контрпримеров. Мы не хотим утверждать, что в русском языке существует ровно 1429 глаголов несовершенного вида, которые образуют видовые пары с ровно 1981 приставочным перфективом. Парность некоторых лексем безусловна, это прототип модели видовых пар (ср.: *делать* – *сделать*); парность других лексем менее очевидна, это периферия категории (ср.: *точить* – *выточить*). Если бы мы приняли несколько иные критерии отбора видовых пар, это могло бы повлиять на состав периферии категории, но не на ядро. Однако важно, что в статистическом отношении результаты если бы и изменились, то несущественным образом.

2. МОДЕЛЬ ГЛАГОЛЬНЫХ КЛАССИФИКАТОРОВ

В статье Л. Янды центральную роль играет гипотеза, согласно которой «чистовидовые» глагольные приставки в русском языке представляют собой систему глагольных классификаторов (см. подробное описание этого явления в работе [Янда 2012]). В ответной статье [Зализняк, Микаэлян 2012: 57] говорится, что это предложение должно рассматриваться «скорее как метафора, чем как реальное грамматическое нововведение». Нам бы хотелось затронуть два важных вопроса в связи с этим утверждением. Во-первых, русский язык удовлетворяет всем параметрам, выделяемым для языков с глагольными классификаторами, и в этом смысле ничем не отличается от таких языков, как куньянти и нюлнюл, рассматриваемых в работе В. Мак-Грегора [McGregor 2002] как примеры языков с глагольными классификаторами. Утверждение, что русский язык является языком с глагольными классификаторами, может вызвать удивление или неприятие, потому что глагольные классификаторы до сих пор были прерогативой языков Австралии. Но предложение анализировать русские глагольные приставки как глагольные классификаторы уже высказывалось ранее Т.А. Майсаком [Майсак 2005: 339–345] и В.А. Плунгяном [Плунгян 2011: 413–416]. Группа CLEAR под руководством Л. Янды и Т. Нессета считает своим основным достижением не введение в научный оборот такой модели, а ее тщательную эмпирическую проверку.

Во-вторых, в некотором смысле любая научная гипотеза является метафорой. Когда современные физики говорят о том, что свет, с одной стороны, имеет волновые свойства, а с другой стороны, ведет себя как набор отдельных частиц, они тоже пользуются метафорой. Когда современные химики говорят о бензольном кольце, они тоже используют метафору. Метафора является важным когнитивным механизмом, который позволяет ученым объяснять более сложные вещи, пользуясь более простыми и наглядными моделями, и практически любая научная модель в этом смысле оказывается метафорой.

Критикуя модель глагольных классификаторов, А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян указывают, что «[с]корее следовало бы говорить о том, что приставки не классифицируют,

а специфицируют (по Вейренку⁴) значение исходного глагола несов. вида» [Зализняк, Микаэлян 2012: 57]. Нам кажется, что нет никакой причины считать, что эти две модели исключают друг друга: с одной стороны, приставки, конечно же, специфицируют значение глагола несовершенного вида, но с другой стороны, они при этом могут и классифицировать такие глаголы. Если мы говорим о том, что приставки специфицируют значение глагола несовершенного вида, мы делаем важное утверждение в рамках русистики. Говоря, что приставки в русском языке являются глагольными классификаторами, мы делаем утверждение, интересное с точки зрения лингвистической типологии.

3. ГИПОТЕЗА О «СЕМАНТИЧЕСКИ ПУСТЫХ» ПРИСТАВКАХ И ЕЕ РОЛЬ В ОПИСАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Одной из важных тем в данной дискуссии является сама постановка задачи проекта Exploring Emptiness, а именно вопрос о том, являются ли так называемые «чистовидовые» приставки действительно семантически пустыми. А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян отмечают: «Представление о том, что семантическая пустота приставки в префиксальных видовых парах возникает в результате дублирования приставкой некоторого смыслового компонента, уже содержащегося в глаголе (так называемый эффект Вея – Схоневельда), в современной русистике достаточно широко распространено» [Там же: 55].

Во-первых, мы хотели бы подчеркнуть, что гипотеза о пустых приставках неоднократно высказывалась в научной литературе, посвященной русским глагольным приставкам. Так, уже А.А. Шахматов [Шахматов 1952: 201–202] отмечает, что глагол несовершенного вида при присоединении приставки превращается в глагол совершенного вида, а приставка при этом «утрачивает свое реальное значение». В.В. Виноградов [Виноградов 1972: 395–424] утверждает, что видовые пары, образованные при помощи префиксации (наряду с образованными при помощи суффиксации), не являются парой независимых глаголов, а представляют собой две формы одного глагола. При этом присоединение приставок к глаголам несовершенного вида приводит «к ослаблению и устранению их [приставок] реальных значений». А.Н. Тихонов отводит значительную часть своей книги [Тихонов 1998: 29–175] феномену «чистовидовых» приставок. Как и В.В. Виноградов, А.Н. Тихонов считает такие глагольные приставки словоизменительными показателями, которые не приносят никакого значения. Тихонов указывает, что многие глаголы присоединяют те или иные приставки после того, как приставки уже полностью утратили свое значение, приводя такие примеры, как *оштрафовать*, *сфотографировать*, *законсервировать*. Н.С. Авилова [Авилова 1976: 153–154] признает «наличие чистовидовых (грамматикализованных, десемантизированных) приставок», называя их «аспектуализированными». Дж. Форсайт [Forsyth 1970: 38–43] приводит такой аргумент: если отказаться от идеи чисто перфективирующих приставок⁵, то «логическим результатом такого подхода... будет полный отказ от префиксальных [видовых] пар»⁶. Гипотеза о «чистовидовых приставках» упоминается и в некоторых современных работах. Например, Л.Ю. Миронова [Миронова 2004] утверждает, что почти все глагольные приставки в русском языке (за исключением *до-*, *над-*, *пре-* и *пере-*) могут вести себя как «чистовидовые». Таким образом, обращаясь к теме «чистовидовых» приставок, мы постарались донести информацию об эффекте Вея – Схоневельда до более широкой лингвистической общественности.

Во-вторых, хотелось бы отметить, что, несмотря на многократное упоминание эффекта Вея – Схоневельда в литературе, до сих пор не было представлено эмпирических данных в поддержку этой гипотезы. М.А. Кронгауз [Кронгауз 1998: 82] называет проблему пустых приставок «хронической проблемой» современной русистики. Книга [Janda et al. 2013], на которую во многом опирается статья [Янда 2012], станет первой

⁴ См. [Veyrenc 1980]. — Ю.К., Л.Я.

⁵ Empty perfectivising prefixes (перевод с англ. — Ю.К., Л.Я.).

⁶ «The logical conclusion of this approach... would be the total rejection of prefixal pairs» (перевод с англ. — Ю.К., Л.Я.).

работой, в которой модель Вея – Схоневельда обращена в эмпирический вопрос, на который в результате анализа корпусных данных получены эмпирические ответы, подтвержденные статистическими методами.

Необходимо дополнительно отметить, что современные учебники русского языка для иностранцев до сих пор основываются на модели пустых приставок. Нам бы хотелось, чтобы современные научные исследования находили отражение в современных пособиях. Мы надеемся, что эмпирическое подтверждение гипотезы Вея – Схоневельда будет упомянуто в новых учебниках русского языка и облегчит студентам-иностранцам, изучающим русский язык, овладение такой сложной для них темой, как русские видовые приставки.

4. СОСТАВ И СТРУКТУРА БАЗЫ ДАННЫХ «EXPLORING EMPTINESS»

Значительная часть критики в статье [Зализняк, Микаэлян 2012] посвящена составу и структуре базы данных Exploring Emptiness, которая и послужила основным источником данных в работах [Янда 2012] и [Janda et al. 2013]. В связи с этим нам бы хотелось поговорить подробнее о том, как именно эта база была создана, но прежде чем мы обратимся к структуре базы данных, скажем несколько слов о теории видовых гнезд Л. Янды, которая послужила теоретической основой при создании базы данных. Модель видовых гнезд не является отрицанием традиционного понятия видовых пар, а скорее является надстройкой над этим понятием. В гнезда объединяются не сами глаголы, а пары глаголов, поэтому модель видовых гнезд не противоречит, а дополняет понятие видовых пар. Модель видовых гнезд призвана объяснить, как связаны между собой однокоренные глаголы в группе: бесприставочный глагол несовершенного вида (например, *гореть*), его приставочные корреляты (например, *сгореть*, *загореть*, *погореть*) и образованные от них вторичные имперфективы (например, *сгорать*, *загорать*).

В базе данных Exploring Emptiness основным критерием отбора видовых пар было присутствие данной пары в одном из использованных источников. Список был составлен на основе информации о виде, представленной в словарных статьях [МАС; Ожегов, Шведова 2001] и списка глаголов из работы П. Кабберли [Cubberly 1982]. Заметим, что такой подход отражает важную современную тенденцию в гуманитарных науках: использование внешних, независимых от исследователя источников данных. Если мы используем независимые источники данных, те же данные могут быть повторно получены другой исследовательской группой, что приближает гуманитарные дисциплины к модели повторяемого эксперимента, традиционной для естественных наук.

На следующем этапе полученный список был проанализирован группой из четырех лингвистов – носителей русского языка (О.Н. Ляшевской, Ю.Л. Кузнецовой, С.В. Соколовой и А.Б. Макаровой). В ходе проверки из списка были исключены глаголы, которые в совершенном виде отличались по семантике от глаголов несовершенного вида во всех найденных контекстах. Например, упоминаемая Анной А. Зализняк и И.Л. Микаэлян пара *хотеться* – *захотеться* была исключена из списка на том основании, что у глагола совершенного вида *захотеться* всегда присутствует инхоативная семантика, которой нет в глаголе несовершенного вида *хотеться*. В своей работе группа лингвистов использовала аналог критерия Маслова в его «слабой», или «экзистенциальной», форме (ср. [Kuznetsova 2013]): если находился хотя бы один контекст, в котором глаголы совершенного и несовершенного вида были взаимозаменяемы, то такие глаголы считались потенциально парными. Для оценки допустимости тех или иных примеров использовались корпусные данные и в случае необходимости данные, найденные при помощи поисковых систем Яндекс и Google.

А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян указывают, что «многие включенные в базу пары глаголов не являются видовыми ни в каком смысле, в частности, не обладают свойством тождества лексического значения, ср.: *брить* – *выбрить*, *вертеть* – *свернуть*, *гнуть* – *загнуть*, *давить* – *сдавить*, *крутить* – *закрутить*, *точить* – *выточить*, *стареть* – *устареть*, *считать* – *подсчитать*, *чесать* – *причесать*, *вести* – *провести*, *есть* – *разъ-*

есть, гнать – прогнать, гнать – выгнать, колоть – заколоть» [Зализняк, Микаэлян 2012: 52]. Хотелось бы заметить, что пары *брить – выбрить, гнуть – загнуть, давить – сдавить, считать – подсчитать* не входят в базу данных Exploring Emptiness. Для остальных пар глаголов можно привести следующие контексты, в которых глаголы совершенного и несовершенного вида служат аналогами друг друга:

вертеть – свернуть

Можно было **вертеть** более тонкие папиросы. Вся закрутка – дело рук и совести дневального [В. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)].

Он придержал коня, **свернул** папиросу и закурил [С. Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995–1996)].

крутить – закрутить

Курнуть захотелось смертно, и Сашка начал **крутить** сигарку, глаза на миг от поля отведя, а когда поднял их – обомлел! [Вяч. Кондратьев. Сашка (1979)].

Узнав, в чем дело, он осторожно отодвинул тарелку, **закрутил** сигарку и сказал: – Что ж... вечная ему память [Э. Казакевич. Звезда (1946)].

точить – выточить

Спокойно и размеренно **точили** они детали и лишь изредка поддевали друг друга необходимыми остротами [Е. Попов. «Пять песен о водке» (1970–2000)].

Птицы споют вам свои песни, рабочие **выточат** деталь, пароходы забороздят просторы, стабилизируется напряжение в сети, очертания предметов станут четче, и окажется, что за всю жизнь их у вас накопилось два или три [Доброе утро, Москва! (1997) // «Столица»].

стареть – устареть

– Иногда говорят, мол, длительное время идет разработка, технические решения **стареют** [А. Чаплыгин. Триумф в Капустинном Яру // «Воздушно-космическая оборона» (2003)].

Решения **устарели**, а проблемы не делись никуда [М. Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)].

чесать – причесать

Помните, у Андерсена: пожилая волшебница **чешет** Герде волосы и вишнями кормит, чтоб та не вздумала искать брата Кая? [И. Ратушинская. Одесситы (1998)].

Кто-то постарался, чтобы она выглядела как живая, ей даже аккуратно **причесали** волосы, но все равно отчего-то сразу становилось понятно, что перед вами тело без души, просто оболочка [Д. Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].

вести – провести

И помыть все, и коров напоить – руки отрывались от тех ведер, таточко мой Кириллка надумал **вести** водопровод [А. Козлов. Вечный серп // «Крестьянка» (1987)].

Параллельно с этими работами на двух улицах **провели** водопровод [И. Гунченков. Сельский миллионер (2002) // «Весть»].

есть – разьесть

Однажды, после сильного кутежа, Лодка проснулась в полдень полубольная и злая: мучила изжога, сухую кожу точно ржавчина ела, и глазам было больно [М. Горький. Городок Окуров (1909)].

Железный человечек замер, будто пружинки у него **разъела** ржавчина и он больше не в силах пошевелиться и никогда-никогда не зазвенит и не запрыгает, этот веселый мастер Самоделкин [Ю. Дружков (Постников). Волшебная школа (1984)].

гнать – прогнать

По ночам лунный свет, будто вино забвения, лился в глаза, **гнал** прочь сон: в степи пробуждались прозрачные великаны [А. Иличевский. Перс (2009)].

Бодрящий сиреневый туман, шум моря, вспышки маяка **прогнали** прочь сон [В. Бурлак. Хранители древних тайн (2001)].

гнать – выгнать

Некоторые скотину резали, самогон из зерна гнали – пили, ели, все равно, говорили, жизнь пропала [В. Гроссман. Все течет (1955–1963)].

Вот и считайте: из килограмма сахара, трех литров воды и ста граммов дрожжей можно целый литр самогона **выгнать** [А. Никонов. Литры доброй воли (1997) // «Столица»].

колоть – заколоть

В садах устанавливали зенитные пушки, и какие-то не очень молодые люди в широченных лыжных штанах маршировали там с утра до вечера и кололи чучела штыками [Н. Никулин. Воспоминания о войне (1975)].

А сержант Пиво-Долливальский бесшумно настиг удалявшегося фон Враницкого и молча заколол его штыком [Ю. Буйда. Город палачей (2003)].

Таким образом, примеры, приведенные выше, показывают, что для каждой пары глаголов существует тип контекстов, в которых глагол несовершенного вида и глагол совершенного вида могут быть взаимозаменяемы, а значит, могут считаться потенциально парными.

А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян отмечают, что в базу Exploring Emptiness попали видовые пары, которые являются таковыми только в профессиональном употреблении, например: *ремизить – обремизить, тралить – протралить, трелевать – стрелевать, шпунтовать – зашпунтовать*. Мы хотели бы заметить, что попадание таких глаголов в наш список, как и в словари, бывшие нашим основным источником, естественно, ведь профессиональные диалекты являются частью русского языка. Укажем, что все перечисленные выше и подобные им глаголы отмечены в нашей базе специальной пометой «professional». Эта помета используется нами наряду с такими важными для видовых пар параметрами, как устаревшее употребление (помета «obsolete»), разговорное или диалектное употребление (помета «colloquial»). Полный список глаголов со всеми пометами можно получить, если нажать на кнопку «Все глаголы в базе» на главной странице базы данных Exploring Emptiness. Выбрав каждую из помет, пользователь может получить список глаголов, отмеченных только этой пометой. Если упорядочить глаголы по параметру «помета», можно получить полный список глаголов, в котором сначала будут идти глаголы, не отмеченные никакими пометами, а потом все глаголы, имеющие ту или иную помету. Таким образом, любой исследователь, желающий исключить из материалов своего исследования профессиональные, а также устаревшие и разговорные видовые пары, может это сделать. С более подробными инструкциями можно ознакомиться в разделе «Структура базы данных» на сайте <http://emptyprefixes.uit.no>.

Другим важным недостатком базы данных Exploring Emptiness, с точки зрения А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян, является присутствие в ней маргинальных форм как несовершенного (таких как *бессилить, булгачить, густиться, должать, ежить, тощать, пушить, супиться, рекомендоваться* ‘называть себя при знакомстве’, *румяниться, длиннеть, русеть* ‘становиться русским’), так и совершенного вида (таких как *отволгнуть, вызябнуть*). С нашей точки зрения, наличие таких примеров среди видовых пар является закономерным: маргинальные и окказиональные лексемы встречаются среди видовых пар, потому что они встречаются в языке. Информацию о том, что такие лексемы не являются частотными, пользователь базы может получить, воспользовавшись колонкой «частотность», указывающей, сколько примеров данной лексемы было найдено в [НКРЯ]. Из данных, приведенных в этой колонке, можно видеть, что все глаголы, приведенные выше, за исключением глагола *рекомендоваться* (984 примера), низкочастотны: глагол *румяниться* был найден в 23 примерах, глагол *ежиться* в 19 примерах, а остальные приведенные глаголы в десяти и менее примерах.

Мы также хотели бы отметить, что в случаях, когда один глагол несовершенного вида соотносится с несколькими приставочными глаголами совершенного вида, в базе данных Exploring Emptiness проводится семантическое различие между глаголами совершенного вида. Такие различия можно увидеть, если воспользоваться полем «Definition». В этом поле приводится словарное описание значений и контекстов, в ко-

торых данные глаголы несовершенного и совершенного вида можно считать парой. Например, пользователь, интересующийся приставочными коррелятами глагола *душить*, может обнаружить, что в базе данных есть три приставочных глагола, связанных с ним: *задушить*, *удушить* и *надушить*. При этом первые два приставочных глагола – *задушить* и *удушить* – могут быть коррелятами глагола *душить* в нескольких различных подзначениях, таких как 1. Убивать, с силой сжимая горло. 2. Лишать возможности дышать. 3. Угнетать, притеснять (книжн.). Последний приставочный глагол – *надушить* – может быть коррелятом *душить* только в значении ‘опрыскивать, пропитывать чем-н. душистым, духами’.

В заключение нам хотелось бы отметить, что составить безупречный список, с которым согласился бы каждый носитель русского языка или хотя бы каждый лингвист-русист, к сожалению, не представляется возможным. Всегда можно спорить, что список в чем-то неполон, а какие-то примеры маргинальны. Мы постарались сделать все, чтобы количество спорных примеров в нашем списке было минимальным. Мы убеждены, что небольшие изменения – добавление некоторых глаголов в список и удаление некоторых спорных глаголов – не повлияют на основные выводы наших работ. Однако достичь идеального списка нельзя, хотя бы потому, что в языке существует межсубъектная вариативность (*intersubject variability*), и это означает, что существуют значимые и измеримые различия между носителями языка (см. работы [Dąbrowska 2008; 2010; Street, Dąbrowska 2010]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для нас важно основывать наши гипотезы на современной теории когнитивной лингвистики, которая стремится не делать априорных предположений о структуре языка. Мы уверены, что описание системы видовых приставок как аспектуальных классификаторов позволяет с новой, типологической, точки зрения взглянуть на давно известную проблему. Наши исследования ([Янда 2012; Janda et al. 2013] и другие работы группы CLEAR) направлены на то, чтобы перевести давнюю дискуссию о «чистовидовых» приставках и эффекте Вея – Схоневельда из теоретической плоскости в практическую. Мы постарались прояснить, какими принципами мы руководствовались при составлении нашей базы данных, и надеемся, что теперь причины, по которым мы приняли то или иное решение, стали более понятными. Мы хотели бы поблагодарить Анну А. Зализняк и И.Л. Микаэлян за критическую статью, которая дала нам возможность прояснить нашу позицию, и редколлегию журнала «Вопросы языкознания» за то, что она позволила нам ответить на большую часть возникших вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова 1976 – Н.С. Авилова. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
 Анкета 1997 – Анкета аспектологического семинара филологического факультета МГУ //Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 2. М., 1997.
 Виноградов 1972 – В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
 Горбова 2011 – Е.В. Горбова. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения //Вопросы языкознания. 2011. № 4.
 Зализняк, Микаэлян 2012 – Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды //Вопросы языкознания. 2012. № 6.
 Земская 1975 – Е.А. Земская. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций (спорные вопросы членения производных слов в современном русском языке) //Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.
 Катышев 2005 – П.А. Катышев. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. Томск, 2005.
 Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.

- МАС – А.П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд. М., 1999.
- Миронова 2004 – Л.Ю. Миронова. Вид глагола и соотношение лексико-семантических вариантов многозначного слова. Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
- Немченко 1979 – В.Н. Немченко. Способы русского словообразования. Горький, 1979.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- Ожегов, Шведова 2001 – С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Словарь русского языка. М., 2001.
- Панов 1999 – М.В. Панов. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Перцов 2001 – Н.В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Тихонов 1998 – А.Н. Тихонов. Русский глагол. М., 1998.
- Улуханов 1977 – И.С. Улуханов. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Шахматов 1952 – А.А. Шахматов. Учение о частях речи. М., 1952.
- Янда 2012 – Л.А. Янда. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6.
- Booij 2010 – G. Booij. Construction morphology. Oxford, 2010.
- Brown, Hippiisley 2012 – D. Brown, A. Hippiisley. Network morphology: A defaults-based theory of word structure. Cambridge, 2012.
- Cubberly 1982 – P.V. Cubberly. On the 'empty' prefixes in Russian // Russian language journal. 1982. V. 36.
- Dąbrowska 2008 – E. Dąbrowska. The effects of frequency and neighbourhood density on adult native speakers' productivity with Polish case inflections: An empirical test of usage-based approaches to morphology // Journal of memory and language. 2008. V. 58.
- Dąbrowska 2010 – E. Dąbrowska. Naive v. expert intuitions: An empirical study of acceptability judgments // The linguistic review. 2010. V. 27. № 1.
- Forsyth 1970 – J.A. Forsyth. Grammar of aspect. Cambridge, 1970.
- Janda et al. 2013 – L.A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Ljashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: Prefixes as verb classifiers. Bloomington (IN), 2013.
- Kuznetsova 2013 – J. Kuznetsova. Linguistic profiles: Correlations between form and meaning. Ph. D. diss. University of Tromsø. 2013.
- Kuznetsova, Sokolova (forthcoming) – J. Kuznetsova, S. Sokolova. Aspectual triplets in Russian. Forthcoming.
- Langacker 2008 – R.W. Langacker. Cognitive grammar. A basic introduction. New York, 2008.
- McGregor 2002 – W.B. McGregor. Verb classification in Australian languages. Berlin; New York, 2002. (Empirical approaches to language typology 25.)
- Rosch 1973 – E. Rosch. Natural categories // Cognitive psychology. 1973. V. 4. № 3.
- Rosch 1975 – E. Rosch. On the internal structure of perceptual and semantic categories // T.E. Moore (ed.). Cognitive development and acquisition of language. New York; San Francisco; London, 1975.
- Street, Dąbrowska 2010 – J. Street, E. Dąbrowska. More individual differences in language attainment: How much do adult native speakers of English know about passives and quantifiers? // Lingua. 2010. V. 120.
- Veyrenc 1980 – J. Veyrenc. Un problème de formes concurrentes dans l'économie de l'aspect verbal en russe: imperfectifs premiers et imperfectifs seconds // J. Veyrenc. Études sur le verbe russe. Paris, 1980.

Сведения об авторах:

Юлия Львовна Кузнецова
Universitetet i Tromsø
julia.kuznetsova@uit.no

Laura A. Janda
Universitetet i Tromsø
laura.janda@uit.no

Статья поступила в редакцию 22.01.2013.